

Проблема становления российской государственности в ее цивилизационно-политическом измерении

Н.В. Асонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация;
Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – обоснование несостоятельности точек зрения сторонников либеральной и евразийской концепций о том, что государство на Руси сложилось только благодаря восточному воздействию тюркских орд. Отдельные представители научного сообщества считают, что доминирующие кочевые народы уже на заре средневековья стали плотно контактировать со славянскими племенами, расселившимися в среднем течении Днепра и прилегающих к нему землях. Поэтому особое внимание они уделяют монгольскому влиянию, почти на двести пятьдесят лет соединившему Древнюю Русь с улусом Джучи (иначе, с Золотой Ордой). В понимании либеральных аналитиков практически вся отечественная государственность в течение многих веков носила «дикий» восточный характер. Ведь не Русь, а великие ханы Золотой Орды диктовали ей свою непреклонную волю и насаждали свои ценностные идеалы, уведя славянские народы от магистрального пути подлинного европейского прогресса. Евразийцы же придают этому периоду большое прогрессивное значение, повлиявшее на создание Великой России и заложившее основы ее цивилизационной уникальности, к которой сегодняшняя Россия начинает возвращаться. Чтобы убедиться в справедливости или ошибочности данных выводов, надо отталкиваться от принципа взаимосвязи государства и государственности. Поставленная задача решается с помощью методологии междисциплинарного анализа, построенного на гармоничном сочетании исторической и политической наук. Поскольку атрибутом государства как политического института выступает государственность, автор свою доказательную базу выстраивает с опорой на анализ начального этапа российской государственности в ее цивилизационно-политическом измерении, обратившись к событиям второй половины IX–X вв. Это позволяет сделать аргументированный вывод о том, что именно в то время были заложены основы самобытного отечественного государства и государственности, никак не связанные с тюрко-монгольскими этносами. **Ключевые слова:** русская государственность; Древняя Русь; цивилизационно-политическое измерение; политическая система Руси; символы власти; титулы; геральдика Руси

Для цитирования: Асонов Н.В. Проблема становления российской государственности в ее цивилизационно-политическом измерении. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):130-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-130-138

The Problem of the Formation of Russian Statehood in its Civilizational and Political Dimension

N.V. Asonov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation;
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The scientific aim of this article is to demonstrate, through an interdisciplinary methodology that harmoniously combines historical and political science approaches, to demonstrate the contradictory points of view of supporters of both liberal and Eurasian concepts. Their representatives argue that the statehood of Rus' emerged solely due to Eastern influence, specifically from Turkic hordes. These hordes, they claim, began closely interacting with the Slavic tribes settled along the middle Dnieper and adjacent territories as early as the dawn of the medieval era. Particular emphasis is placed on the Mongol influence, which, for nearly two hundred and fifty years, bound Ancient Rus' to the Ulus of Jochi, otherwise known as the Golden Horde. According to liberal analysts, practically the entire history of Russian statehood for many centuries bore a "wild," Eastern character, as it was not Rus' itself but the great khans of the Golden Horde who dictated their unwavering will and imposed their system of values, thereby diverting Russia from the main path of true European progress. Eurasianists, by contrast, assign this period a significant progressive role, viewing it as having contributed to the formation of Great Russia and having laid the foundations of its unique

civilizational identity – an identity to which, they argue, Russia is now beginning to return. In order to assess the validity or fallacy of these conclusions, one must begin with the principle of the interconnection between the state and statehood. Since statehood serves as an attribute of the state as a political institution, the author has chosen to build the evidentiary framework of this study by analyzing the early stages of Russian statehood in its civilizational and political dimensions, focusing on the events of the second half of the ninth and tenth centuries. This leads to the conclusion that the foundations of a distinctive national state and statehood were laid during this period, entirely independent of Turkic-Mongol ethnic influences.

Keywords: Russian statehood; Ancient Rus'; civilizational and political dimension; political system of Rus'; symbols of power; titles; heraldry of Rus'

For citation: Asonov N.V. The Problem of the formation of Russian statehood in its civilizational and political dimension. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):130-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-130-138

ВВЕДЕНИЕ

Среди российских обществоведов, придерживающихся либеральной идеологии и вложивших ее в основу своего исследовательского поиска, бытует мнение, что наша страна как государство сложилась только благодаря монголо-татарам, которые «сделали ее своей колонией». По их мнению, даже к XIII в., в отличие от Запада, у Руси не было «своих сюзеренов и вассалов с передовыми рыночными отношениями». Поэтому «к моменту воцарения Ивана Грозного, Россия была страной разбойной. И разбой в ней стал главным занятием всех слоев общества». Этот социальный порок не смогли излечить даже петровские реформы. Поэтому, согласно профессору РГГУ С.А. Магарилу, «доминирующий человеческий тип современной России — поздний варвар» [1].

Явный интерес вызывает близость по данному вопросу к либералам евразийцев, предпочитающих в своей оценке решающего влияния Востока на Русь ставить знак «+», а не «-». «Свирепым русам», мучившим славян, у них противопоставлены благородные тюрки и моголы. Ведь только «союз с Ордой во второй половине XIII в. принес Северо-Восточной Руси вожденный покой и твердый порядок», позволил ей «войти в монгольский суперэтнос», в результате чего «имел место пассионарный толчок», создавший «новых людей» и Великую Россию. «Таким образом, именно в этой эпохе лежат подлинно начальные пласты нашей истории», полагал Л.Н. Гумилев [2].

Сегодня данная тема стала особенно важна. Ведь увеличение количества представителей азиатских народов на территории нашей страны надо как-то исторически оправдывать, чтобы погашать протестные настроения титульной нации и близких ей в культурном отношении коренных этносов России. Приходится признать, что после разрушения Советского Союза в понимании цивилизационно-политического измерения России снова усилилось противостояние сторонников западной и восточной культур. Подобная противоречивость существует не один век, она подмечена еще В.О. Ключевским, процитировавшим дьяка Ивана Тимофеева: «Мы

друг друзе любовным союзом растояхомся, к себе кождо нас хребты обращахомся — овии к востоку зрят, овии же к западу» [3].

Между тем, подчеркивая решающее значение Востока в истории Руси, якобы ускорившего ее выход из первобытного состояния, представители обоих лагерей упускают из вида диалектическую суть всякого государственного строительства. Если оно идет естественным путем, то не может приобрести развитую форму в короткие сроки. Это длительный процесс, протекающий многие столетия, особенно долгий у народов, в религиозном сознании которых отсутствует вера в предопределение. Не веря в рок и неумолимый фатум, они отрицают всякую небесную иерархию и не проецируют ее на земную жизнь, придерживаясь прямого типа демократии. К таким народам относились и восточные славяне. Неслучайно греки, хорошо знавшие славян, отмечали, что судьбы, то есть «предопределения они не знают и не признают того, что оно имеет какое-то значение для людей» [4]. Из-за этого свой трудный переход к государственному устройству славяне начали только под воздействием обострившихся внешних обстоятельств, да и то по инициативе отдельных племенных центров.

Кроме того, индикатором наличия или отсутствия государства неизменно выступает государственность. Она демонстрирует цивилизационные ориентиры власти и общества. Правда, в ней часто видят синоним государства, но это неверно. Государство — важнейший политический институт, обладающий определенными признаками политической власти, нормативно-правовой сферы, территориальными и населением. Эти признаки не имеют отношения к государственности, наиболее полно раскрывающейся с помощью исторической и политической наук. Историки видят в государственности отражение оригинальных черт, присущих государству в разные периоды его жизни, или обозначение какого-либо этапа его развития, скажем, когда речь заходит о рабовладельческом или феодальном устройстве. Иногда с государственностью отождествляют си-

стему органов управления, подчеркивая тем самым всеобъемлющее значение государства.

Поскольку политическая наука оценивает область человеческих отношений с точки зрения власти как центральной категории политики, она в первую очередь старается отталкиваться от деятельности самой политической системы. Поэтому осмысление государственности у политологов отличается от видения специалистов-историков. Политологи исходят из того, что государство возглавляет институциональную подсистему, а государственность является ее признаком. Она указывает на степень зависимого или суверенного состояния государства. Это состояние закрепляется в нормативно-регулятивной и культурно-идеологической подсистемах. Поэтому государственность несет в себе иные признаки. Это круг базовых приоритетов, связанных с социально-политической ориентацией власти, и включенных в набор неких символов, отражающих ее ценностно-целевые установки. Сегодня к ним относятся флаг, герб и гимн.

С государственностью связана монополия на легитимность политической власти. Согласно М. Веберу, есть «три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности». Это авторитет «вечно вчерашнего», дающий право на традиционное господство. Это «авторитет внеобычного личного дара (харизмы)», рождающего преданность к тем, кто встал у руля государственного управления. Наконец, это господство, «обоснованное рационально созданными правилами», ориентирующими на подчинение, часто обусловленное «грубыми мотивами страха и надежды» [5].

РЮРИК И НАЧАЛО РУСИ

Поскольку «Повесть временных лет» с 862 г. связывает приход Рюрика, при котором «прозвася Руская земля» [6], эта дата принимается в настоящей статье за отправную точку начала Руси. Далее необходимо обосновать появление на Руси в домонгольский период государственности в ее цивилизационно-политическом измерении.

Летопись связывает Рюрика и русов, пришедших с ним, с некими варягами, обитавшими на берегах Балтийского моря, однако их этническое происхождение до сих пор не установлено. Степенная книга Московской Руси говорит об их литовских корнях. Некоторые видят родину варягов на юге Балтики среди славянского племени варингов (вагров). Большинство считает их шведами. Некоторые смотрят на варягов как на бродячие дружины, собранные из разных племен Северной Европы. Во главе их могли стоять предводители, выдвинувшиеся за счет своей

отваги. Согласно выводам С. М. Соловьева, «варяг» означал воина, носившего меч (wargang) [7].

Приглашение Рюрика было санкционировано ильменскими славянами на вече в целях собственной безопасности. Поэтому звать чужих, не известных им людей, имеющих иной язык и культуру, они бы, скорее всего, не стали. Ведь, как писал летописец, новгородцы хоть и считались славянами, но были «от рода варяжска» [6]. Размещение варягов на окраинах их земли служит доказательством, что их вожди никакой реальной властью не обладали и выполняли сугубо военные функции обороны границ. Да и вечевого правления у ильменских славян не предусматривал появления отделенной от народа власти и создания ею своей нормативно-правовой и культурно-идеологической среды, стоящей на страже интересов «варягорусов» как господствующей группы.

Таким образом, версию норманистов, считающих, что туземное население добровольно надело на себя ярмо политической зависимости, нельзя считать серьезным аргументом, объясняющим происхождение государства на Руси. Другое дело, когда приходится говорить о том, что это призвание стало первым шагом к перестройке политической системы восточных славян, заложившей у них основы государства и государственности.

В 864 г. Рюрик сел на правление в Новгороде, но стал ли он там хозяином? Широчайшая внутренняя автономия этого города в последующие века это отрицает. Видимо, по этой причине Олег в 882 г. переместился в Киев. Здесь он как правитель чувствовал себя более свободно и объявил его «мати градомъ русьскимъ» [6], иначе говоря, столицей. В начале X в. власть в Киеве перешла к сыну Рюрика — Игорю, давшему начало новой династии. Подвластные ему земли стали именовать Русью. В Киеве Рюриковичи утвердили модель управления, которую не удалось навязать Новгороду. В благоприятных условиях она начала работать, но ее работа строилась в рамках феодального способа организации власти, а в нем, как писал В. О. Ключевский, сила всегда шла впереди права. Это значило, что силовой блок ресурсов власти срачивался с методами принуждения и только потом включал утилитарные, культурно-идеологические и нормативно-правовые ресурсы, опиравшиеся на методы убеждения и стимулирования. Такая феодальная особенность отразилась и на характере государственности Руси.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ НА РУСИ

Скудные источники позволяют сделать вывод о начавшемся процессе отделения публичной княжеской

власти от общества. Князь еще не применяет все методы и не задействует все ресурсы управления страной. Он не имеет возможности единолично распоряжаться вооруженными силами Руси, формирующимися на местах с санкции веча. Более того, жена князя даже во времена Владимира Святого имела такую же дружину, как и сам князь. В схожем положении, надо полагать, находились побочные князья из дома Рюрика.

Общинные угодья находятся в распоряжении племен и родов ими владеющими. А вот имущественное положение князя и княгини было отдельно и включало в себя значительные территории, куда помимо городов входили села. Ни князь, ни княгиня не имели права распоряжаться во владениях супруга. Только смерть одного из них позволяла объединить в одних руках их земли, дружины и финансы. По этой причине гибель князя Игоря сделала княгиню Ольгу полной хозяйкой его владений и войска. После ее смерти в 969 г. всем этим завладел ее сын.

Так закладывался принцип семейственности в управлении, согласно которому весь род Рюриковичей считался коллективным владельцем русской земли. При этом каждый имел свой удел, независимый от влияния других родичей, ведя страну к феодальной раздробленности, получившей полное оправдание языческой, а потом и христианской идеологии. Количество уделов равнялось количеству признанных князем детей. При Святославе образовано три удела, так как он признал только трех сыновей, рожденных в браке и вне брака. При Владимире Святом уделов стало восемь.

В начале X в. Олег вслед за Рюриком мог сажать своих мужей в занятых им городах. Здесь они «заступали место князя» и представляли собой характер «правительственной», а не «владельческой» власти. Ведь князь мог отозвать прежнего наместника и заменить его другим. Это носило оправданный рациональный характер, но принцип семейственности ломал такое управление. Выделение уделов делало принцип отзыва невозможным. «Правительственная» власть превращалась во «владельческую» и внутренне суверенную, поскольку все князья считались прямыми братьями. Киевский князь числился всего лишь первым среди равных. Самые лучшие уделы получали старшие по возрасту князья. Младшим доставались наиболее отдаленные и бедные земли, но смерть старших братьев давала возможность младшим занять их столы. Ведь власть передавалась от брата к брату, а не от отца к сыну, предоставляя пока еще каждому возможность со временем сесть в Киеве.

При всем том сохранялся принцип соборности. На высшем уровне его представлял совещательный орган из бояр и воевод, находящихся при князе. Вместе с дружиной они могли оказывать давление на своего правителя. К середине X в. это был единственный вид общественного мнения, способный подчинять себе волю главы государства. Вече, выражая мнение общества, продолжало оказывать влияние на Рюриковичей, особенно когда они находились вне Киева, сильного общинными порядками. Тут князь попадал в полную зависимость от соборного мнения. В таком положении оказался и Владимир Святой, вытребованный у Святослава новгородцами. Даже в 980 г., сев на княжение в Киеве, он постарался сохранить привычную для славян систему ценностно-целевых ориентиров. В угоду общественному мнению он потеснил христианство и даже по настоянию веча принес в жертву идолам православных варягов.

Между тем уже с X в. на Руси прослеживаются основные атрибуты самобытной государственности, подчеркивающие ее национальную суть и универсальный характер, частично востребованный после принятия христианства. В то же время привнесенные в славянскую среду новации вплелись в общую канву эндогенного (своего) цивилизационного типа, не противореча ему в главном.

РЕЛИГИЯ

Религия же всегда была важным индикатором, указывающим на вектор цивилизационной ориентации. Показательна судьба Перуна, имя и культ которого восходят к общим для индоевропейцев, а не тюрок и монголов верованиям. Он весьма почитался племенами балтов и западных славян, именовавших его «Perkunas» и «Piorun». У западных тюрок, попавших в сферу влияния ираноязычных племен, ему соответствовал Етем тура, а у германцев — Тор (Тур). У восточных славян культ Перуна вообще не получил широкого распространения и замещался другими кумирами. Неслучайно, подчинив себе балтов, живших в Полесье, они не стали включать в свой пантеон побежденных богов. Другое дело Рюриковичи, принадлежавшие иной религиозной традиции. Придя на новые земли, они не отказались от своего любимого бога и сделали его главным фигурантом духовной сферы древнерусской государственности. Сначала Перуном клялась дружина русов при Олеге и Игоре. Затем по приказу Владимира его идолы стали устанавливаться в Киеве и в Новгороде.

Примечательно то, что под влиянием Рюриковичей изменился пантеон богов Киева, высветив специфику религиозно-идеологической политики,

проводимой ими. Наряду с Перуном выдвигается Велес («скотий бог»), также восходящий к древнейшей индоевропейской теонимии и почитаемый всеми славянами. Его дополнили Хорс и Симаргл, покровительствующие ираноязычным племенам, а также Дажьбог («злой дух») и Стрибог, несущие в себе иранскую этимологию. Все, кто боролся против Руси и вредил ей, относились к внукам Дажьбога. Дружина и правители считались внуками Стрибога. Не была чисто восточнославянским божеством и Мокошь, замыкавшая при Владимире череду высших божеств. Ее имя, связанное с корнем «мокр», часто фигурировало у западных славян (Мокушь, Макошь, Мокешь, Мокушка).

Согласно исследованиям ученых, в символике языческой Руси система «бинарных оппозиций» в подборе божеств довольно четко прослеживается по целому ряду пар. Крайние — Перун и Мокошь. Он громовежец, связан с военной функцией. Она патронирует все процессы прядения и ткачества, продолжение рода, достаток в доме. Хорс и Симаргл составляли вторую пару: первый, будучи солярным божеством, нес свет и тепло, второй связан со зловещей птицей Див, «враждебной Русской земле». Наконец, Дажьбог и Стрибог соотносились между собой как «зло» и «добро». Тут уже виден иранский принцип воззрений, выраженный через систему противопоставлений божеств. Велес же остался без пары и не нашел себе подобающего места в пантеоне князя Владимира, и единого мнения исследователей о причинах его отсутствия там нет.

Специалисты по праславянскому языку указывают, что к моменту возникновения письменности славяне успели дважды сменить свои сакральные представления. Сначала их древнее язычество подверглось сильному влиянию дуализма иранского типа, и только затем его вытеснило христианство [8]. Эта связь заметна и в древнерусском искусстве, отразившем существование в прошлом определенной религиозно-мифологической и культурной общности между иранскими племенами и славянами. А вот скандинавские и тюркские боги в пантеоне Руси и ее материальной культуре отсутствуют. Следовательно, формирование отечественной государственности шло без участия этих сил.

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

К ним относятся символы и титулы, содержащие в себе идеологический контекст. *Главным символом власти* Рюриковичей на подвластных им землях стал «трезубец». До Владимира Святого этот знак имел

всего два зубца. Владимир ввел третий. Но какую смысловую нагрузку заключал в себе «двузубец» и с каким этно-цивилизационным полем связывал правящую династию данный символ?

Академик Б.А. Рыбаков выявил близость по форме и по существу двузубцев Приднепровья и царских знаков Боспора, охарактеризовав их как «два параллельные по смыслу явления, разделенные семью столетиями». Эти знаки являлись принадлежностью правящего рода, сохраняя общую схему рисунка. Находки в верховьях Оки и в Приднепровье двух подвесок VI–VII в. с изображением, похожим на знаки Рюриковичей, позволили ему выдвинуть версию, что они относились к символам антских вождей, управлявших землями Среднего и Нижнего Подонья. Путем тщательного анализа В.Л. Янин вывел преемственность первых государственных печатей Руси от круглого знака Святослава Игоревича, содержащего выгравированное изображение двузубца [9]. Им был скреплен договор с василевсом ромеев в 971 г.

Двузубцы были выделены при раскопках в Болгарии, Татарстане, Башкирии, Казахстане и Карачаево-Черкесии. Иначе говоря, там, где более двух тысяч лет царили ираноязычные сарматы и сако-массагеты. Позже всего они появляются на ордынских монетах XIII–XIV в. В Орде дву- и трезубец тоже являлись тамгами правящего рода. В аналогичном значении эти символы использовались каганами хазар.

По своей сути им соответствовал *двуглавый орел как родовой знак* Палеологов — последних василевсов Ромейской державы. А вот *трезубец* Владимира Святого больше связан с его религиозной реформой и ее цивилизационной ориентацией, *указывая на троичную сущность Бога* [10]. Но, как бы там ни было, активное использование такого знака правителями Руси, как справедливо заметил И.Я. Фроянов, позволяет утверждать, что к концу X в. начала «выковываться публичная власть киевских князей», но пока еще сложно говорить о том, насколько она была «самодержавной» [11].

Важной разновидностью политической символики при отсутствии государственного герба, флага и гимна являлся *титул руководителя страны*. Он раскрывал специфику внешнеполитических контактов властвующей элиты и определение места в кругу глав других стран. Не последнюю роль здесь играла связь носителей государственной власти с их культурно-историческими корнями и традиционными устоями зависимого населения. В X в. Рюриковичи, осевшие в Киеве, согласно западным и восточным документам той поры, применяли три титула: «князь», «каган» и «свет малик».

Науке не известен титул, носимый Рюриком у себя на родине, и как он мог измениться с его прибытием к ильменским славянам. Неизвестно также и то, как стали величать Рюрика после его перемещения в Новгород, а Игоря в Киев. Видимо, титул «князь» даже в X в. не имел популярности, служил для внутреннего употребления и не применялся в сношениях с другими государствами. Неслучайно он выпал из поля зрения западных и восточных авторов. Только несколько человек, описывая Древнюю Русь, сочли нужным отметить, что «владыка славян» именуется «к.нан» (кназ). Между тем, это очень древний термин. Он появился в эпоху языкового единства древних индоевропейцев и означал старшего в роде. Данный титул не предусматривал наличие наследственной власти или широких полномочий. Поэтому он не мог соответствовать статусу правителя сильной державы.

Обычным титулом главы Древней Руси, применявшимся при встрече с иностранными гостями, был «каган». На это указывают «Бертинские анналы», описывающие события середины IX в., когда Рюрика еще не было на земле ильменских славян. С составителем «Анналов» согласны восточные авторы. Один из них в 982 г. счел нужным разделить Древнюю Русь на два политических образования. Он выделил «страну русов» со столицей в Киеве, где правит «каган», и «страну славян». Ее глава именовался «смутсвит» (светлейший). Возможно, здесь речь шла о Полоцкой земле, где правил род Рогволодовичей, соперничавший с Рюриковичами.

О том, что глава Руси носил титул, подчеркивающий его «светлость», упоминают и другие восточные авторы: правитель Руси «называясь главой глав, именуется Свийт.м.л.к. Он выше сут.дж-а, а суб.дж. его заместитель» [12]. Считается, что данный титул состоял из двух слов, взятых из славянских и иранских языков, и звучал как «свет-малик» (светлый царь). Предполагается, что второе лицо государства (суб.дж.) именовалось «жупанич». Ибн Фадлан, прибыв на берега Волги в 921 г., тоже пишет о наличии у правителя русов заместителя. Он «командует войском и замещает его у подданных» [12]. Наличие второго лица в управлении страной в то время весьма распространенное явление. У франков при короле находился наследственный майордом, у хазар при хакане стоял шад. Соправитель был и при василевсе ромеев.

Целый ряд исследователей появление на Руси титула «каган» связывает с влиянием Хазарского каганата, дань которому более ста лет платил Киев. Но зависимое лицо не может носить одинаковый титул со своим сюзереном. В свое время М. И. Ар-

тамонов сделал вывод, что подобный титул «для северных славян невероятен», зато он хорошо «понятен для славян среднеднепровских, находящихся под властью хазар» [13]. Правители Киева, по его мнению, приняв наименование «каган», показали таким образом свою независимость. Не исключено, что слово «каган» вошло в политический лексикон славян под влиянием алан. Они еще в IV в. своих вождей именовали «иш-хан» (владелец). В любом случае появление такого титула у киевских князей задолго до разгрома хазар, случившегося в 969 г., исключает их зависимость от их государства.

Помимо титула в эпоху раннего средневековья большое значение для фиксации специфики государственности имели *сопутствующие предметы: трон, корона или иные внешние знаки*, указывающие на политический статус их владельца. Не последнее место в этом ряду занимало *наличие телохранителей и свиты*. Чем их было больше, тем выше статус правителя. Из письменных источников известно, что вместо трона каган русов имел большое ложе в виде помоста и свиту из 400 «доблестных» воинов, неотлучно находящихся при нем. Такая свита состояла только из русов, которым особая группа славян «шьет шаровары, ... шапки из шерсти с хвостом, свисающим с затылка» [12]. Эти предметы одежды сохранились у запорожских казаков.

В начале X в. Ибн Русте писал о коронации правителя Руси, но как выглядела корона и что она собой представляла, не известно. Она могла походить на «шапку Мономаха», сарматский венец, найденный при раскопках кургана Хохлач в Новочеркасске или на корону монархов варварских королевств Европы. Историки указывают, что понятие «корона», как сам этот предмет, было чуждо ранним русским летописям. В них говорится только о «клобуке» князя. Его богатая обшивка, украшенная золотом и драгоценными камнями, вполне могла определять внешний политический статус правителя Руси. Интересно, что на всех ранних изображениях, датируемых XI в., князья облачены в головные уборы, напоминающие «шапку Мономаха». Впрочем, для особо торжественных случаев могли использовать не кожаную, а металлическую шапку, отороченную мехом. Она представлена на шиферной иконе XIII в., изображающей святых князей Бориса и Глеба в полном княжеском облачении.

Символом власти, по-видимому, являлся и особый *расшитый плащ-коц* (коч). У славян, как и у родственных им племен, «плащ был престижной парадной одеждой» [14] и потому постоянно присутствовал на изображениях князей. *Державу* русскому

кагану могли заменять *бармы*. Они выглядели как оплечное ожерелье, состоящее из золотых или серебряных бляшек с рисунком. Возможно, к атрибутам местного уровня власти могла относиться гривна. Если она была таковой, то должна отличаться богатством отделки и наличием изрядного количества драгоценных камней.

Другое дело, когда речь идет об оружии. Тут стоит остановиться на двух предметах. Это декоративный *топорик и меч*. У славян на таких «топориках почти обязательно изображались солнечные знаки (круг с точкой)». Схожий топорик найден в Польше. Сегодня российские и зарубежные ученые почти уверены, что данный предмет, используемый в торжественных церемониях, рассматривался как «символ Перуна <...> оружие небесного громовержца» [14]. Уникальный по отделке топорик, покрытый листовым серебром с гравировкой и позолотой, хранится в Государственном Историческом музее.

К знакам высшей власти как атрибут государственности мог относиться *меч*, используемый и в качестве *символа судебной власти*. О судебной функции княжеского меча имеется соответствующая запись в летописи: «Князь бо не туне мечь носить в мечь злодеемъ, а в похвалу добро творящимъ» [6]. Во время церемоний он мог заменять скипетр и быть символом защиты земли, доставшейся князю. Как символ власти и государственного правосудия меч изображался на монетах Владимира Святого.

Не исключено, что аналогичную роль до появления скипетра на Руси могла играть *булава*, известная у многих народов с древности не только как грозное оружие, но и как *символ высшей исполнительной власти*, персонифицированной в одном человеке. Считается, что культовое значение булавы восходит к небесной палице Громовержца. В нашем случае им мог быть Перун. Ею громовержец утверждал свою власть на небе и побеждал врагов. Она же могла быть олицетворением Мирового Дерева, изготавливаемого из его земных аналогов и потому способного служить символом мира и власти над миром, подобно индийской ваджре. Неслучайно булава использовалась в обрядах, посвященных теме плодородия. Таковыми у славян выступали русальские тояги, в совершении языческого ритуала в руках вождя или жреца они исполняли ключевую роль «священного жезла — “тояга”».

Применительно к той эпохе можно говорить и об использовании *стяга в качестве государственного символа* Руси. Изображения, вышитые на нем, могли отражать цивилизационную принадлежность страны. Скорее всего, полотнище стяга имело красный

цвет — любимый цвет славян (красный — красивый). Наличие в стягах красного фона подтверждает «Слово о полку Игореве», указывающее, что перед битвой с половцами над русским войском поднялся «чрьень стягъ» [15]. Видимо, это был еще и цветовой символ территориально-политического суверенитета и княжеской власти. Интересно, что на всех миниатюрах знамена имеют вытянутую треугольную форму, сохранившуюся на Руси вплоть до конца XVII в. Данная особенность зафиксирована и в русской иконописи XV–XVI вв. Правда, на всех изображениях красный стяг несет на себе символы православной государственности, но в языческий период на красном фоне могли помещать иные сюжеты, включая двузубец.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Стоит признать, что смысл ценностно-целевых установок языческой государственности Руси по своей сути не мог ставить духовно-нравственные приоритеты выше материальных благ, ориентируя человека в первую очередь на обогащение. Хотя соборно-вечевая организация жизни вынуждала представителей государственной власти учитывать коллективные интересы, это не мешало им в ряде случаев игнорировать точку зрения своих родичей или надежды зависимого населения. Победенные обкладывались данью, не имеющей строгих норм, а с более сильными соседями оговаривался конкретный размер выкупа и дальнейшие выгоды. Никаких высоких целей, связанных с идеей единения славян или улучшения их жизни, не ставилось. К примеру, придя на землю радимичей, живших между Черниговом и Смоленском, Олег спросил их старшин: «Кому дань даете?». Те ответили, что платят ее хазарам. «И рече имъ Олегъ не дайте Козаромъ но мне дайте» [6].

Если племя никому не платило дани и желало сохранить свою свободу, то русские князья-каганы подчиняли его силой. Так случилось с древлянами, расселившимися к западу от Киева. «И поча Олегъ воевати Древляны и примучи вои имаша на них дань» [6]. В случае победоносных походов на другие страны с них брался «уклад» в пользу всех крупных административных центров, где «сеядху велиции князи, подь Олгомъ суще» [6]. Также поступал Игорь. Святослав вообще решил перенести столицу из Киева в Переяславец на Дунае, стоящий недалеко от современного Измаила, поскольку сюда «вся благая сходятся от Грекъ злато паволоки вина и оwoщеве розноличныя». От чехов и венгров серебро и кони, а из Руси «скура и воскъ медь и челядь» [6].

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ начального этапа становления российской государственности в ее цивилизационно-политическом измерении, относящегося к событиям второй половины IX–X в., позволяет сделать два взаимосвязанных вывода. Следует признать, что правы оказались исследователи, рассматривавшие Древнюю Русь на данном отрезке времени как формирующееся раннефеодальное государство. С одной стороны, ее государственность целиком соответствовала языческим взглядам на власть и ее функции, не выделяясь чем-то особенным из круга таких же варварских политических образований раннего средневековья. С другой стороны, в силу явного доминирования славянского населения с определенным укладом жизни Рюриковичи не могли подавить цивилизационные

особенности соборно-вечевого быта, сохранив его в качестве одной из основ общественного сознания и политического управления.

После принятия христианства принцип соборности стал одним из символов веры и в рамках православия благополучно дожил до наших дней. В течение целого ряда веков сохранялись и многие символы власти, указывающие на самобытность российской государственности. К ним мы можем отнести княжескую шапку, дву- и трезубец, меч, топорик, жезл-тояг как прототип скипетра, княжеский плащ-коц и красный флаг.

Все это вместе взятое позволяет трактовать языческую Русь как страну-цивилизацию с характерной для нее самобытной духовной культурой и политической системой, не имеющей никакого отношения к восточным кочевникам-тюрмам, тем более к монголо-татарам.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках темы 124101700545–0 «Ценностное измерение консервативной и либеральной идеологии как фактор трансформации современного политического пространства» при поддержке АНО «Экспертный институт социальных исследований» и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared under the topic 124101700545–0 “The value dimension of conservative and liberal ideology as a factor in the transformation of modern political space” with the support of the Autonomous Non-Profit Organization “Expert Institute for Social Research” and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История и историческое сознание. Клямкин И.М., ред. Москва: Фонд «Либеральная миссия»; 2012. 480 с.
2. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. Москва: Экопрос; 1992. 336 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 3. Москва: Мысль; 1988. 414 с.
4. Иванов С.А., Гиндин Л.А., Литаврин Г.Г. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). Москва: «Восточная литература» РАН; 1994. 472 с.
5. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. Москва: РОССПЭН; 2006. 656 с.
6. Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Карский Е. Ф. ред., Клосс Б.М., предисл. Т. I. Москва: Языки русской культуры; 1997. 496 с.
7. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. Москва: Мысль; 1988. 797 с.
8. Иванов В.В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2. Москва: Языки славянских культур; 2008. 704 с.
9. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. В 2 т. Т. 1. Москва: Наука; 1970. 326 с.
10. Соболева Н.А. Очерки истории русской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. Москва: Языки славянских культур, Знак; 2006. 488 с.
11. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета; 1999. 372 с.
12. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., ред. Т. III. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2009. 264 с.
13. Артамонов М.И. История хазар. Ленинград: Изд-во государственного Эрмитажа; 1962. 523 с.

14. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. Москва: Наука; 1987. 784 с.
15. Памятники литературы Древней Руси. Дмитриев Л.А., Лихачев Д.С., ред. Вып. 2. Москва: Художественная литература; 1980. 704 с.

REFERENCES

1. History and Historical Consciousness. Klyamkin I.M., ed. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2012. 480 p. (In Russ.).
2. Gumilev L.N. From Rus' to Russia: Essays on Ethnic History. Moscow: Ekopros; 1992. 336 p. (In Russ.).
3. Klyuchevsky V.O. Various works. In 9 volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ.; 1988. 414 p. (In Russ.).
4. Ivanov S.A., Gindin L.A., Litavrin G.G. Collection of the Earliest Written Records about the Slavs. Vol. I (1st-6th centuries). Moscow: "Eastern Literature" Publishing House, Russian Academy of Sciences; 1994. 472 p. (In Russ.).
5. Weber, M. Selected Works. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Moscow: ROSSPEN; 2006. 656 p. (In Russ.).
6. The Laurentian Chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles. Karsky E.F. ed., Kloss B.M. pref. Vol. I. Moscow: Languages of Russian Culture: Yaziky russian culture; 1997. 496 p. (In Russ.).
7. Solov'ev S.M. Various works. In 18 volumes. Vol. 1. Books 1–2. Moscow: Mysl' Publ.; 1988. 797 p. (In Russ.).
8. Ivanov V.V. Works on etymologies of Indo-European and ancient Central Asian phrases. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Yaziky slavyanski culture; 2008. 704 p. (In Russ.).
9. Ianin V.L. Assembly seals of the Ancient Rus X–XV ss. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1970. 326 p. (In Russ.).
10. Soboleva N.A. Essays of the history Russian symbols: From tamga before symbols State sovereignty. Moscow: Yaziky slavyanski culture; Znak, 2006, 488 p. (In Russ.).
11. Froyanov I. Y. Kievan Rus: Main features of the socio-economic line. S.-Petersburg: S.-Petersburg university; 1999. 372 p. (In Russ.).
12. Ancient Rus' in the Light of Foreign Sources: A Reader. Jackson T.N., Konovalova I.G., Podosinov A.V., eds. Vol III. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2009. 264 p. (In Russ.).
13. Artamonov B.M. The history of the Khazars. Leningrad: Publ. by the Hermitage museum; 1962. 523 p. (In Russ.).
14. Rybakov B.A. Paganism of the Ancient Rus. Moscow: Nauka; 1987. 784 p. (In Russ.).
15. Monuments of literature of Ancient Russia. Dmitriev L.A., Likhachev D.S., eds. Issue No. 2. Moscow: Khudogestvennaja literatura; 1980. 704 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Николай Васильевич Асонов — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация
Nikolai V. Asonov — Dr. Sci. (Political), Prof. Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>
nbassonov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.04.2025; принята к публикации 01.07.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 23.04.2025; accepted for publication 01.07.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.